

Дар Изоры как средство к бессмертию

В.-А. Моцарт, «Реквием». РНО, дирижер С. Сондецкис. БЗК

ФОТО ЕВГЕНИЯ БУРМИСТОВА.

И откуда только такая неистребимая любовь нашего народа к «Реквиему» Моцарта, заупокойной мессе? Беспроигрышная программа, хоть на Первое мая ее дай, хоть на Восьмое марта. Только что в зале Чайковского Капелла Московского Кремля исполнила (была, конечно, давка), недели не прошло – а уж в Большом зале консерватории снова «Реквием». И снова давка, и снова публика неснобистская, демократическая.

В общем, время от времени любим о вечности подумать, в смысле о Страшном суде и пр. Вторая причина, вероятно, в том, что в отношении «Реквиема» Моцарта каждый слушатель справедливо считает себя образованным и потому в некоторой степени причастным к звучащему. Полумистическую историю его создания (да и умер Моцарт чуть ли не с партитурой в обнимку) знают все, а нас хлебом не корми – дай только черного (или серого?) человека, масонов, дар Изоры какой-нибудь и т. п.

Таким образом, наст литературщины не дает рассыпаться странному обаянию этого большого, неспешного сочинения, которому зал неизменно внимает с мазохистским удовольствием, плавно переходящим в катарсис.

Говоря же серьезно, моцартовский вечер 7 февраля в БЗК удался на редкость. Во главе Российского Национального оркестра, который так любит работать с самыми разными дирижерами, встал Саулюс Сондецкис, в скобках обозначено: Литва. Да какая же Литва! Сондецкис – любимец Москвы, звезда единого культурного пространства, гарант высочайшего и притом благородно-

непоказного качества. Нет никакой нарочитости, никакой живописности в его жестах, его знаки оркестру скромны и похожи на лаконичные подсказки гениального суфлера. Но каким же единым дыханием дышит у Сондецкиса оркестр!

В первом отделении звучала Хаффер-симфония, легкая, будто написанная под вино и для отрешения от забот. Композитор создал ее для давнего друга семьи Зигмунда Хаффнера. Но не забудем также, что ровно через пять дней сам Моцарт женится и притом, будем считать, очень удачно. Не потому ли на этой музыке лежит отсвет искреннего счастья?

Четыре части симфонии-фейерверка пролетели мгновенно и все-таки в ожидании вождельного «Реквиема», ради которого, конечно, и куплены билеты. И что же «Реквием»? Камерный хор Владимира Минина, как и оркестр Михаила Плетнева, не в форме просто не бывает. А все равно поразил пониманием уникальности концерта (с Сондецкисом!), полным послушанием мастеру-дирижеру, из деталей – блестящим исполнением подвижной фуги в первой и последней частях. Венчающий ее жуткий аккорд оба раза прозвучал, и опять же волею дирижера, с исключительной силой. Тонко были подобраны голоса солистов Л. Семениной, Н. Сердюк, М. Гареева и С. Байкова, обладающие каждый своей окраской, которая, как правило, обычно смазывается в стремлении петь погромче, чего не случилось на этот раз.

Часть «Лакримоза» («Слезная») исполнялась заметно быстрее привычного, но «рыдания» в ней от этого не стали менее надрывными. При этом снова никакой нарочитой дирижерской концепции не выпирало, и Моцарт остался Моцартом – в той степени, в какой он присутствует в сочинении, дописанном его учеником.

А слушатели, ходящие на «Реквием» с упорством наркоманов, в очередной раз получили сладкую возможность от-рефлектировать по поводу своей бренности на земле. Не всем же внутренне достойно удаётся проделать это в церкви. А потребность, оказывается, есть.

Наталья ЗИМЯНИНА.

На снимке: Саулюс Сондецкис

Вет. клич. - 1998 - 19 февр. - С. 4.